

*Тебе, Клэр,
как и всегда*

Гангстер — это обитатель города, владеющий его языком, его набором знаний; вооруженный теми же бесчестными умениями и чудовищной удалей, он несет свою жизнь в руках, как транспарант, как дубину.

Роберт Уоршоу

I

*Носки отцов;
иерархия млекопитающих;
визит к старухе.*

В семь пятнадцать утра, у себя в спальне, где температура воздуха чуть ниже, чем в космическом вакууме, Джошуа Джозеф Спорк надевает длинный кожаный плащ и отцовские носки для гольфа. Папаша Спорк не был прирожденным гольфистом, нет. Чтобы обзавестись носками, истинному гольфисту не требуется угонять грузовик, везущий партию оных носков на родину гольфа, в Сент-Эндрюс. Поступать так негоже. Гольф — религия терпения, а носки — дело наживное; мудрый гольфист ждет, когда на горизонте появится подходящая пара, а затем преспокойно ее покупает. Мысль о том, чтобы наставить ствол пистолета-пулемета Томпсона на дюжего дальнобойщика из Глазго и велеть ему либо вылезать из кабины, либо украсить ее своими мозгами... хм. Такому игроку гандикапа ниже двадцати не видать, как своих ушей.

Впрочем, Джо не считает носки отцовскими. Да, эта пара — одна из двух тысяч, что хранились в гараже неподалеку от Брик-лейн и достались ему в наследство от Папаши Спорка, когда тот перебрался в великий небесный бункер. Однако почти все награбленное — всю

разношерстную коллекцию предметов, ставшую символическим отражением отцовского криминального прошлого,— Джо возвратил законным владельцам, оставив себе лишь пару чемоданов личных вещей, фамильные библии и фотоальбомы, кое-какую мелочевку, украденную, по-видимому, отцом у деда, да несколько пар носков. Носки эти председатель городского совета Сент-Эндрюса предложил оставить на память.

— Тяжело вам пришлось, наверное,— сказал он Джо по телефону.— Нелегко беречь старые раны.

— Если честно, мне просто стыдно.

— Силы небесные! Еще чего удумали! Мало того, что детей карают за грехи отцов, так нам еще должно быть за них стыдно?! Мой отец командовал полком бомбардировщиков, помогал разрабатывать план уничтожения Дрездена. Лучше бы уж носки крал, не находите?

— Пожалуй.

— Конечно, наши бомбили Дрезден во время войны и, надо полагать, имели на то веские основания. Героями себя считали. Но я видел фотографии. Вы видели?

— Нет.

— Вот и хорошо. Не смотрите. Такое не забывается. Однако, если по какой-то окаянной причине вы все же решите на них взглянуть, рекомендую перед этим надеть аляповатые носки в ромбик — поверьте, так будет значительно легче. Я вам вышлю по почте несколько пар. Могу выбрать самые омерзительные расцветки, если это поможет вам справиться с чувством вины.

— Было бы здорово. Спасибо.

— Между прочим, я и сам пилот. Гражданской авиации. Раньше очень любил полетать, но в последнее время так и вижу, как из люка сыплются бомбы. Пришлось бросить. Досадно!

— Представляю.

Наступает пауза, во время которой председатель размышляет, не сболтнул ли лишнего.

— Что ж, остановимся на расцветке «шартрез». Пожалуй, я и сам нацеплю такие, когда в следующий раз поеду на могилу старого черта в Хоули. «Смотри, изувер несчастный,— скажу я ему,— пока ты пытался убедить себя, что для победы в войне жизненно необходимо выжечь целый город вместе с мирным населением, другие отцы довольствовались кражей дурацких носков!» Будет ему урок, а?

— Пожалуй.

И вот теперь на ногах у Джо — плоды того странного телефонного разговора, служащие его неотпедикюренным ступням как нельзя более подходящей защитой от ледяного пола.

Кожаный плащ, меж тем, призван спасти его от нападения. У Джо имеется домашний (или скорее, банный) халат, очень уютный и мягкий, совсем не похожий на броню. Джо Спорк обитает в подсобке над своей мастерской — вернее, мастерской деда, — в убогом безмолвном закоулке Лондона у самой реки. Прогресс обошел эти места стороной: вокруг все серое, угловатое и насквозь пропитанное речным смрадом. Огромное здание фактически целиком принадлежит ему одному (хотя на самом деле, в каком-то смысле, увы, банкам и кредиторам). Мэтью (так звали его недостойного отца) весьма спокойно относился к долгам на бумаге, полагая, что деньги — это то, что при необходимости всегда можно украсть.

К слову о долгах, Джо порой гадает, — предаваясь размышлениям о светлых и черных днях своей жизни в роли наследника преступной империи, доводилось ли Мэтью кого-нибудь убивать. Вернее, многих ли он убил на своем

веку. Гангстеры, в конце концов, люди кровожадные; после их разборок со спинок стульев и автомобильных рулей обычно свисают трупы. Нет ли где-нибудь на свете тайного кладбища или свинофермы, где обрели вечный покой все последствия безалаберных и аморальных поступков его отца? И если оно есть, какие обязательства существование такого места налагает на сына?

В действительности весь первый этаж здания занимают мастерская Джо и торговый зал. В высоких таинственных залах стоят вещи в белых защитных чехлах, а самые ценные — в плотном черном полиэтилене, перемотанные липкой лентой и задвинутые в дальний угол для протравки от древооточца. По нынешним временам это, как правило, столики или скамьи, которые он потом расставляет так, чтобы выглядели повнушительнее и производили нужное впечатление на покупателей, но изредка попадаются и подлинные ценности: часы, музыкальные шкатулки и — самое восхитительное — механические автоматы ручной работы, созданные, покрашенные и вырезанные в те стародавние времена, когда все вычисления производились при помощи пера и бумаги или в лучшем случае деревянных счетов.

Совершенно невозможно, находясь внутри, не догадаться, где именно расположен склад. Сквозь отсыревшие половицы торгового зала сюда поднимается характерный, отдающий рекой, тиной и прелью шепоток старого Лондона; благодаря некоему архитектурному ухищрению или просто старению дерева запах этот никогда не превращается в вонь. Свет из узких окошек со специальным армированным стеклом, находящихся высоко над уровнем земли, в настоящий момент падает на целых пять эдинбургских напольных часов, две пианолы и один диковинный объект, представляющий собой или механизми-

рованную лошадку-качалку, или нечто еще более эксцентричное — покупатель на такую штучковину потребует соответствующий, с особинкой. Эти главные призы окружены вещицами попроще: телефонными аппаратами с поворотной рукояткой, граммофонами и прочим старьем. А вон там, на пьедестале, красуются Часы Смерти.

В сущности, это просто викторианская безделушка. Зловещий скелет в монашеской рясе едет в колеснице справа налево (чтобы у европейца, привыкшего читать слева направо, создавалось впечатление, будто скелет несется навстречу зрителю). За спиной у возницы коса — ее можно в любой момент выхватить и скосить душу-другую, — и он погоняет кнутом щуплую озлобленную лошаденку, которая все тянет, тянет повозку вперед. В колесо встроен циферблат с изящными костяными стрелками. Боя в часах нет; вероятно, создатель хотел подчеркнуть, что ход времени незаметен и неотвратим. В завещании дедушка писал, что часы требуют «особого внимания» — механизм тонкий и сложный, чувствительный к колебаниям атмосферного давления. Маленького Джо они приводили в ужас, а юного раздражали мрачностью посылы. Даже сейчас — особенно сейчас, когда тридцатый год жизни остался в зеркале заднего вида, а сороковой еще впереди, когда царапины, ссадины и ожоги от паяльника заживают все медленнее, а живот, хоть и подтянутый, больше напоминает удобную кушетку, нежели стиральную доску, — Джо избегает на них смотреть.

Часы Смерти, помимо прочего, стерегут его единственную постыдную тайну — крошечную уступку темному прошлому и тяжелому финансовому положению. В самом темном и сыром углу склада стоят под замызганными чехлами шесть старинных игровых автоматов, подлинные «однорукие бандиты», которые он согласился отремонти-

ровать для давнего приятеля по имени Йорге. («Йор-ге! Произносить со страстью, как Пастер-р-нак!» — представляется тот новым знакомым). Йорге принадлежит несколько дешевых кабаков, куда люди приходят за азартными играми и прочими сомнительными увеселениями; задача Джо — обслуживать старомодные машины (каковые теперь выдают не мелкие монеты, а талоны на получение крупных денежных сумм или интимных услуг) и время от времени «шаманить» — то есть делать так, чтобы выигрышные комбинации выпадали крайне редко или по личному распоряжению Йорге. Не такая уж высокая цена за возможность продолжать семейное дело и сохранить преемственность поколений, считает Джо.

На втором этаже — где он обустроил себе спальню, поставив кровать и несколько старинных платяных шкафов, за которыми при желании можно спрятать линкор, — очень красиво. Красная кирпичная кладка и широкие арочные окна, выходящие с одной стороны на реку, а с другой на городской пейзаж: магазины и рынки, депо и офисы, гаражи, автосалоны, таможенную штрафстоянку и один-единственный незастроенный клочок серо-зеленой травы, который охраняется неким бессрочным указом и безмятежно гниет себе на месте.

Все это замечательно, однако на складе недавно появился один серьезный раздражитель, а именно — кот. В двухстах ярдах выше по реке находится заброшенный дебаркадер, который власти некогда позволили превратить в жилой дом, и там живет очень милая, очень бедная семья по фамилии Уотсон. Грифф и Эбби — чета умеренно параноидальных анархистов, страдающих жуткой аллергией на бюрократию и добросовестный труд. Обоим присуща удивительная отвага: они видят политическую действительность во всей ее чудовищности и борются с ней. Джо до сих

пор не определился, то ли они выжили из ума, то ли просто пугающе и категорически не способны на самообман.

Как бы то ни было, все лишние заводные штуковины Джо дарит Уотсонам, когда изредка заглядывает к ним на ужин — удостовериться, что они еще живы. Те, в свою очередь, угощают его лично выращенными овощами и присматривают за складом, когда Джо нужно куда-нибудь уехать на выходные. Кот (прозванный «Паразитом») несколько месяцев назад усыновил Уотсонов и теперь считает себя единоличным правителем дебаркадера, виртуозно сочетая инструменты политического и эмоционального давления на восторженных чад и психопатический подход к истреблению грызунов, позволивший ему втереться к ним в доверие. Увы, Паразит положил глаз на склад Джо и задумал превратить его в свою вторую резиденцию, если удастся уничтожить или выкурить оттуда нынешнего — неугодного — владельца.

Джо глядится в начищенную до блеска латунную плашку, заменившую ему зеркало для бритья. Он нашел ее здесь, когда вступил во владение складом, — латунную панельку с заклепками, фрагмент обшивки чего-то очень большого, — и ему пришлось по вкусу ее тепло. Стекло-зеркала зеленые, человек в них имеет болезненный и печальный вид. Джо не желает быть человеком, которого показывают стеклянные зеркала. Куда приятнее смотреть на вот этого уютного благодушного малого, слегка замурзанного и потрепанного, который нажил себе если не богатство, то хотя бы здоровье и какой-никакой ум.

Джо — рослый здоровяк с широкими плечами и бедрами. Тяжелая кость. Черты лица волевые, череп гордый. Он вполне хорош собой, но не изящен. В отличие от Папаши Спорка, который унаследовал дедушкину комплекцию и смахивал на танцора фламенко, Джо скорее напоминает

вышибалу из какого-нибудь низкопробного бара. Природа распорядилась, чтобы он пошел в мать. Гарриет Спорг — худое иссохшее создание, однако обязана этим скорее религии и богатому клетчаткой рациону, нежели генетике. Ее кости — это кости камберлендского мясника и дорсетской крестьянки. Природа создала ее с прицелом на полную трудов жизнь на земле, у открытого огня, и спокойную старость в окружении выводка загорелых внучат. Тот факт, что она предпочла стать певицей, а позднее монашкой, — признак ее редкой упертости, или, быть может, следствие странных социальных потрясений двадцатого столетия, в результате которых женщине стало негоже довольствоваться крестьянской долей и материнством: это было все равно, что расписаться в собственном бессилии.

В одном из помещений склада царит особенно выразительная тишина. Охотничья тишина. Паразит, практически сразу после знакомства с Джо вставший на тропу войны, проникает в дом через окошко, которое в отопительный сезон всегда открыто во избежание духоты. Вскарабкавшись на белую кухонную притолоку, тварь замирает. Когда внизу проходит Джо, она, выпустив когти, падает ему на плечи и сползает по спине в попытке содрать с него шкуру, как с яблока. Кожу плаща Джо — и, увы, спины, ведь в первое такое утро Джо был в одной пижаме, — исполосовали боевые шрамы.

Сегодня, устав от партизанских войн и не без тревоги осознав, что в один прекрасный день он сподобится привести в дом женщину, которая вряд ли захочет быть скальпированной бешеной кошкой, когда выйдет утром на кухню испить чаю — быть может, в одной его сорочке, кокетливо обнажающей полукружия ягодиц, — Джо решил на эскалацию конфликта. Ночью, перед самым сном, он нанес на притолоку тонкий слой вазелина. Джо